

“ПОЭЗИЯ ДЛЯ СМЕРТИ НЕ ПОДХОДИТ”

В декабре 2005 года в возрасте 74 лет скончался Герман Авраамов, сын известного музыкального экспериментатора начала XX века Арсения Авраамова.

Арсений Авраамов, как известно, был весьма незаурядной личностью, и биография его могла бы послужить основой для остроюжетного романа. Среди идей, которые он развивал как музыкальный теоретик – микрохроматика (в его терминологии “ультрахроматизм”), введение новых музыкальных инструментов, построенных на чистых интервалах натурального звукоряда, так называемый “рисованный звук”. Его статьи публиковались как в российской дореволюционной печати, так и в советских и зарубежных журналах. Особую известность принесла Арсению Авраамову исполненная в 1922 году “Симфония гудков”, в которой были задействованы звуковые сигналы множества фабрик и заводов. В 1934 году Авраамов был командирован в Нальчик, где прожил семь лет, занимаясь развитием музыкальной культуры Кабардино-Балкарии. Умер он в Москве в 1944 году. Первым среди музыкантов, кто обратил пристальное внимание на колоритную и мрачную фигуру Авраамова, стал Сергей Румянцев, опубликовавший ряд статей о неутомимом экспериментаторе и работавший над книгой о нем (ныне готовится к печати в изда-

тельстве “Композитор”).

…Вышло так, что я познакомился с Германом Арсеньевичем Авраамовым в октябре 2000 года на вечере памяти Сергея Румянцева в Институте искусствознания и тут же обнаружил, что этот человек интересен сам по себе, а не только как сын знаменитого отца. При этом, однако, преданность памяти отца иронизировала всю его жизнь: много лет он занимался распространением композиторского и музыкально-теоретического творчества Арсения Авраамова, привлекая к этому благородному делу известных музыкантов – композиторов, теоретиков, дирижеров.

Герман Арсеньевич мог часами рассказывать о разных эпизодах из жизни отца и собственной. В частности, он вспоминал, что когда он начал пропагандировать творчество Арсения Авраамова, это имя было совершенно неизвестно, и только в середине 1980-х оказалась возможность преодолеть “барьер невостребованности”: например, в 1986 году удалось отметить столетие со дня рождения композитора. У Германа Арсеньевича хранилось множество ценных материалов отца, и он охотно делился с теми, кто интересовался этим наследием, а многие рукописи передал на хранение в Музей имени Глинки. Кое-что из сочинений Арсения Авраамова удалось исполнить в разных концертах.

Герман Арсеньевич организовал несколько радио – и телепередач об отце, о его неординарной судьбе и творчестве. Усилиями Владислава Казенина и Союза композиторов России соорудили табличку у входа на Даниловское кладбище, где был похоронен Авраамов, – у входа, потому что точное место захоронения не установлено. На это кладбище Герман Арсеньевич ходил регулярно, по крайней мере два раза в год – в день рождения и в день смерти отца, и в последние несколько лет я составлял ему компанию.

Герман Авраамов писал стихи и сочинял к ним музыку; получались песни, которые он сам исполнял и записывал на кассеты. Эти песни, примыкающие к русской бардовской традиции, перекликающиеся с творчеством Окуджавы, отмечены ярким, запоминающимся мелодизмом. Многие из них очень грустные, написанные по поводу смерти близких друзей либо насыщенные мыслями о преходящести всего живого, но попадаются и веселые, ироничные. В творческих проявлениях Герман Арсеньевич был едва ли не антиподом отца: в то время как статьи Арсения Авраамова поражают блестательной стилистикой, острой аналитичностью, стихи и песни Германа задушевны, даже сентиментальны, а бывает, нарочито “занизены” по стилистике. Очень прочувствованную грустную песню написал Герман Арсеньевич по поводу гибели

Сергея Румянцева в сентябре 2000 года:

*Поэзия для смерти не подходит.
Зачем туманом кутать вечный
сон.
Ведь смерть за каждым из нас
бродит*

И гонит потихоньку вон

*Из жизни всех людей на свете.
Какая глупая судьба.
Тогда зачем на свете дети,
Зачем за счастием ходьба?*

*Зачем мечтаем, строим планы?
Она в плаще идет за мной.
Всю жизнь залечиваем раны:
О смерть, не торопись, постой!*

*Зачем тебе покос обильный?
Кто твой хозяин-господин?
Кто Он, скажи: Злодей Всесильный
Иль нашей жизни Властелин?
Ответа нет – молчит бесстрастно.
Смотрю назад – она молчит.
Жить надо. Спрашивать напрасно.
Жить и когда душа болит.*

*Я этот текст, романс печальный
На память друга написал.
А он... отправился в путь дальний
И слов прощанья не сказал.*

Кроме того Герман Арсеньевич написал яркую книгу воспоминаний о своем детстве, из которой пока опубликованы только фрагменты. Много лет он мечтал осуществить исполнение в Москве сохранившихся оркестровых сочинений отца. При помощи Ширва-

ни Чалаева удалось получить из Нальчика ноты, и 10 апреля 2004 года в Институте имени М.М. Ипполитова-Иванова при содействии дирижера Александра Корсаковича прозвучали две пьесы на кабардино-балкарские темы, “Исламей” и “На Кулен”. Недавно молодой дирижер Алевтина Кинешова, преподающая в Институте, вызвалась исполнить еще несколько оркестровых сочинений Арсения Авраамова. Это исполнение планируется на раннюю весну 2006 года. К сожалению, Герман Арсеньевич не дожил до осуществления своей мечты, как не дожил и до публикации книги Сергея Румянцева об Арсении Авраамове.

Последние три года Герман Арсеньевич был тяжело болен, однако держался бодро и энергично. После его кончины из большой семьи композитора Авраамова осталась только Любовь Арсеньевна, которой мы приносим свои соболезнования.

Герман Арсеньевич останется надолго в памяти тех, кто его знал. Благодаря его усилиям Арсений Авраамов уже обретает подобающее ему место в истории русской музыки как выдающийся музыкальный мыслитель и новатор, сам же Герман Авраамов, думается, тоже войдет в эту историю как преданный сын, сделавший все, что было в его силах, для возвращения из забвения имени отца.

Антон Ровнер